

В последствии она стала известна как Битва в Проспекции.

Ударная группа Бормана, уже идущая на запад, преследуя беглые махины, перестроилась — и плавно, слаженно повернула навстречу второму воинству. Они стали первыми, кто вступил в бой.

Серьезно проигрывая в огневой мощи, Борман держал дистанцию, сохраняя мобильность. Он принялся изматывать врага, бомбардируя вражеское воинство с расстояния до пятнадцати километров. Враг, похоже, был полон решимости продолжать пробиваться на восток и переборол искушение отвлечь часть или даже все свои силы, чтобы разобраться с махинами Бормана, хотя свирепость ответного огня все нарастала по мере того, как наскоки Бормана становились все интенсивнее.

Дивизия скитариев Лау двигалась пешком, взяв самый быстрый темп. Через три часа первые части катафрактариев выставились на северо-западной границе Иеромихи и начали обстреливать противника. Пехота и боевые сервиторы развернулись шестикилометровым фронтом перед позициями катафрактариев. Орбитальное слежение показало, что с воинством махин движутся значительные силы скитариев.

Группа Бормана вела постоянный обстрел в течение пяти часов, пока не была вынуждена отступить для пополнения боеприпасов. Вражеское воинство, похожее на ходячий лес из грязной стали и керамики, начало расходиться в стороны, растягиваясь в широкую линию. Когда враги подошли к границе Иеромихи на пять километров, точное сканирование выявило их численность — шестьдесят две махины, хотя Борман отважными налетами уничтожил немало врагов. Земля непрерывно тряслась, словно испытывая постоянные слабые сейсмические толчки. Черные полчища пехоты бежали впереди махин Хаоса, выкрикивая мусорный код. Даже на таких бывалых скитариев, как Лау и магос артиллерии Дорентина, зрелище действовало отрезвляюще.

Космодесант Хаоса

Катафрактарии сосредоточили залпы. Широкие полосы взрывов и разрушений покатались по боевым порядкам Архиврага. Удары завывающих снарядов подбрасывали в воздух тонны земли. Линия фронта яростно засверкала вспышками импульсов и лучей.

Наступающее вражеское воинство открыло ответный огонь. Ужасающая мощь махинных орудий ударила по силам Лау, словно молотом, и посреди катастрофического разрушения передовые части скитариев сошлись и схлестнулись между собой с неукротимой яростью. Лау был в самой гуще схватки.

Еще хаоситов

Хаос выпустил хаос.

Геархарта от передовой отделяло еще двадцать километров. Идя полным ходом, чтобы догнать своих скитариев, он издали открыл огонь по основной массе вражеского воинства. Машины, шагающие в строю с «Инвиктус Антагонистес», присоединились к обстрелу.

За Геархартом пошли все. Все до единой машины Инвикты и Темпестуса, забыв о разногласиях перед лицом общей угрозы, шли за Красной Фурией в бой против войска машин Архиврага, почти вдвое превосходящего их числом.

<Никакой пощады врагу, чертенята!> — прокантировал Геархарт.

Щиты были включены на полную. Накопители и аккумуляторы пульсировали от переполняющей их мощи. Автоматы заряжания были сняты с предохранителей и наполнены. Крышки люков оружейных и ракетных установок открыты.

Легио сошлось с воинством: машина на машину.

Ни один из немодифицированных людей, став свидетелем такой битвы, никогда не забудет этого зрелища. Этта Северин наблюдала за войной машин из краулера Крузия. Экзекутор остановил штабную машину и подразделения поддержки в трех километрах от имперской линии фронта, чтобы позволить своим самым крупнокалиберным орудиям внести посильный вклад в бомбардировку. И хотя внешние заслонки наблюдательного мостика были закрыты, а пустотные щиты включены, Этта вздрагивала каждый раз, как орудийные башни краулера или управляемые с него «Гидры» и скорострельные платформы открывали огонь.

Крузий снабдил Этту и Готча визорами, чтобы те могли следить за битвой через манифольд. Воспринимаемый поток ощущений просто ошеломлял. Несмотря на сравнительную неторопливость машин, темп сражения был потрясающим. Этта никогда не справилась бы со сверхчеловеческой интенсивностью стрельбы, скоростью наложения шаблонов попаданий и обмена выстрелами, мгновенным переносом прицельных лучей и сменой направлений ауспика, с непрерывным потоком кодовых переговоров. Лишь модифицированные мозги с аугментированными рефлексамы могли нормально переварить такую информационную нагрузку и при этом еще хоть как-то эффективно действовать. Теперь-то Этта поняла, как экипажи машины могут полностью потерять собственное «я» в блоках мыслеуправления.

С поступающим потоком данных конкурировал шок: световой шок, звуковой, скачки давления. Каждый выстрел орудия, каждое попадание в щит, каждый удар снаряда превращался в обжигающую сетчатку вспышку, беспорядочное мельтешение неоновых искр, ударную перегрузку и невообразимо громкий звуковой пробой.

Но хуже всего был масштаб. Этта прежде никогда по-настоящему не осознавала огромности титанов. Подключая визор к трансляции с орудийных камер «Владык войны» или

«Разбойников», она ощущала себя до нелепости высоченным гигантом — словно каким-то великаном, сошедшим со страниц сказки, таким неустойчивым и грузным, что, казалось, в любой момент он может споткнуться и рухнуть лицом вниз. Машина все увеличивала до своих размеров: расстояния становились больше, удары — сильнее, разрушения — фантастически обширными. Следя за входящей трансляцией учащенно мигающими и мечущимися туда-сюда глазами, Этта напомнила себе, что где-то далеко внизу, ниже поля ее зрения, под пеленой дыма, хлопающими щитами и режущими лучами острого как бритва света, в не менее яростной битве сражаются скитарии — в битве, которая при других обстоятельствах стала бы главным спектаклем. В данных же обстоятельствах тяжелая и яростная схватка воинов отошла на второй план. Скитарии со своими боевыми машинами были лишь муравьями, копошащимися и суесящимися у массивных ног соперничающих чудовищ.

Этта не выдержала, стянула с головы визор и положила обратно на пульт.

— Устройство неисправно, мэ́м? — спросил Лысенко.

Этта помотала головой:

— Просто слишком тяжело. Тяжело это вынести. Я не знаю, как вы вообще...

— Даже для модифицированных это нелегко, мэ́м, — ответил Лысенко. — Войны махин проигрывают обычно из-за человеческой слабости.

— В каком смысле?

Лысенко пожал плечами:

— Машина практически совершенна. Человеческий компонент — ее единственное по-настоящему слабое место. Если принцепс или кто-то из экипажа сделает ошибку, или на секунду замешкается, или упустит какую-то мелочь, то страдает машина. Всё решают доли секунды. Жизнь или смерть — за мгновение ока. Один неверный код, одна ошибка слежения — и все кончено. Вот почему только самые лучшие проходят отбор для действительной службы на машине. Вот почему мы так высоко ценим своих принцепсов и старших модерати.

— Потому что справится не каждый? — спросила она.

— Потому что даже при наличии усовершенствований едва ли один из десяти миллионов окажется достаточно одаренным, чтобы подойти под требования.

Этта посмотрела на Готча. Тот по-прежнему восторженно следил через визор за передачей с поля боя. Губы майора, искривленные шрамом, изогнулись в полуулыбку смесью завистливого уважения, профессионального соперничества и тихого благоговения.

— Впечатлен, Замуаль? — спросила Северин.

Готч кивнул:

— Ага.

— Здесь трудно не впечатлиться, майор, — сказал Крузий. — Сражение махин такого масштаба — событие довольно редкое.

— Да не, — ответил Готч, — я слежу за скитариями. Эти гады знают, как драться.

Крузий рассмеялся.

— Редкое событие, вы сказали, экзекутор? — спросила Этта, переводя взгляд на Крузия.

— Очень редкое. Целый легио, выставленный против неприятельского войска махин в чистом поле. Боевые действия подобных масштабов — пища для легенд. За последние несколько веков Инвикта редко сражалась полным составом в одном месте. Большая часть исполнений требует индивидуальных действий на широком театре войны — возможно, полудюжины махин, идущих сообца, самое большее. Таково военное преимущество махин. Нескольких обычно достаточно. Что бы ни случилось здесь сегодня, это столкновение будут помнить как исключительное.

— Но раньше такое было делом более обычным? — спросила она.

— Сражение махин против махин подобной величины? Да. В древние времена, когда число действующих махин было больше.

— В какие времена, например? — спросила она.

Крузий улыбнулся:

— Во времена Ереси.

— Какое прискорбное совпадение, — заметила Этта.

— Действительно.

Она посмотрела на оперативный дисплей, проецируемый из центрального картографического стола, вокруг которого все они сейчас стояли.

— Прошу прощения, но я не могу толком понять, — призналась она, — мы побеждаем?

Крузий глянул на нее и ответил:

— Еще слишком рано говорить.

>

Они следили за искаженными, обрывочными передачами, просачивающимися с границ Иеромихи, за стратегическим столом в кабинете лорда-губернатора.

— Ваша оценка? — спросил сеньор-коммандер Френц у Зонне.

Тот нахмурился.

— Я на самом-то деле не модифицирован для тактики, сэр, — ответил он. — И понимаю в этих передачах не больше вашего.

— Больше похоже на ад, — сказал Френц.

— О, это наверняка, — согласился Зонне. — Адепт Файст — аналитик. Для подобной работы у него модификации получше.

Алеутон повернулся от стола:

— Файст?

Файста оставили сидеть вместе с Калиен в гнезде из кожаных диванов рядом с массивным позолоченным столом лорда-губернатора. Он встал.

Зонне знаком велел ему подойти.

— Фамулюс? Милорд?

— Хотя мы и наслаждаемся зрелищем, сидя в первых рядах, адепт, — сказал Алеутон, — но все же надеялись получить несколько более четкий анализ.

Файст нервно глянул на Зонне. Тот кивнул.

— С вашего позволения, милорд, — произнес Файст.

Он выдвинул дендрит и воткнул его в системы стола. Не глядя на дисплей, Файст уставился куда-то в пустоту, просматривая ноосферную версию событий.

— Полномасштабное столкновение идет на границе Иеромихи. Шестерня, как много машин! Так много поступающих данных! Прошу прощения. Дайте мне минутку разобраться...

— Можешь не торопиться, — ответил Алеутон.

— Машины Инвикты и Темпестуса вступили в полное соприкосновение с вражеским воинством, — сообщил Файст. — Силы наших скитариев значительно уменьшились. Лорд Геархарт ввел свои машины прямо в гущу воинства, ведя бой на ближней дистанции. Там... О-о-о!

— Можешь не торопиться, — ответил Алеутон.

— Машины Инвикты и Темпестуса вступили в полное соприкосновение с вражеским воинством, — сообщил Файст. — Силы наших скитариев значительно уменьшились. Лорд Геархарт ввел свои машины прямо в гущу воинства, ведя бой на ближней дистанции. Там... О-о-о!

— Что? — одновременно спросили Алеутон и Френц.

— Мы только что потеряли машину. «Стратус Конквист», принциптура Дефрама. Взрыв реактора. Прошу простить, всплеск кода ослепил меня.

— Продолжай, Файст, — велел Зонне.

Калиен подошла к ним и спряталась за спиной Файста.

— Если я загружаю правильно, — сказал Файст, — пока мы потеряли четыре машины, включая «Конквист». В подробной информации, передающейся с «Инвиктус Антагонистес», указано четырнадцать подтвержденных уничтожений машин и общим числом семь частичных. Поправка: пятнадцать. «Люпус Люкс» только что свалил «Разбойника». Поправка: семнадцать. «Утешение Ванквиста» только что убил вражеского «Владыку войны», и посмертный взрыв повредил щиты «Владыки войны» рядом. «Утешение Ванквиста» воспользовался возможностью и убил второго «Владыку», пока тот не восстановил щиты. Поступают... поступают донесения, что Лау убит в бою. Неподтвержденные. Слишком сильная неразбериха на земле. Восемнадцать машин. «Кулладор Браксас» только что подорвал «Разбойника». «Предок Морбиуса» зажат тремя вражескими «Псами войны». «Инвиктус Антагонистес» только что уничтожил врага. «Тантамаунт Страйдекс» тоже. «Страйдекс» пытается пробиться в рукопашную на помощь к «Предку Морбиуса». О Деус!

— Что там, Файст? — потребовал Зонне.

Файст, с широко раскрытыми модифицированными глазами, нервно поскреб согнутыми пальцами грудь:

— Столкновение очень плотное. Несколько махин вовлечены в ближний бой. Крепление кокпита «Виктрум Сплендикс» только что вырвало ударом термоядерной булавы. Экипаж погиб. Неуправляемый «Сплендикс» все еще шагает. «Венус Кастигатус» только что повержен плотным болтерным огнем. Экипаж катапультировался. Они... о боже, вражеские скитарии добрались до них. Они... Они...

Файст обернулся к Алеутону с искаженным и побледневшим лицом:

— Я хотел бы отключиться прямо сейчас, милорд.

— Оставайся на связи, адепт, — потребовал лорд-губернатор. — Еще немного. Я знаю, это тяжело. Дай мне какую-то общую оценку.

Файст послушно кивнул.

— Вражеская линия начинает загибаться. Она сохраняет сплоченность, но ее оттесняют назад на северо-востоке, и вся линия вынуждена отворачивать от границы Иеромихи.

— Это тактический замысел, — спросил Френц, — или просто результат натиска?

— Если это замысел, то я не вижу его цели, — ответил Файст.

— Простыми словами, как у нас дела? — спросил Алеутон.

Файст замешкался.

Калиен у него из-за спины ответила:

— Еще слишком рано говорить.

>

На улицах Провальной Пади снаружи было зловеще тихо. Стефану на самом-то деле не хотелось выходить, но его донимал голод. У него было несколько монет, и он размышлял, хватит ли этого на корку хлеба и суп или чашку риса у уличного торговца?

Стефан торопился по пустым пешеходным дорожкам Провальной Пади. Вокруг не было ни души. Почему так тихо? Куда все делись? Это что — военная предосторожность?

Он замедлил шаг у булочной на третьем уровне. Запах выпечки, выдуваемый вентиляторами из пекарни, пригвождал к месту. Здесь наконец-то встретились люди. Сервиторы помогали трем развозчикам загружать поддоны со свежей выпечкой в машину. Рано утром они должны отправиться в столовые провала.

Стефан не мог оторвать глаз от витрины. Рот его наполнился слюной, в животе урчало. Он пересчитал монеты в кармане. Витрина демонстрировала великолепный ассортимент булочек с начинкой, пирожков и пирожных, приготовленных для обеденных сундучков рабочих бригад. Стеф не мог себе позволить даже самую дешевую из них.

— Сумасшедший денек, а? — раздался голос.

Стефан оглянулся. Сзади кто-то стоял.

— Говорю, сумасшедший денек! — повторил офицер Магистратума, чавкая горячим пирожком, который держал в бумажной салфетке. — Говорят, махинам задали у Аргентума. Конец света наступит еще до заката. Верно говорю?

— Ага, — ответил Стефан.

— Что будет, то будет — вот мой девиз, гражданин, — продолжал офицер, откусив еще. — Все равно — что будет, то будет. Верно говорю?

— Ага, — повторил Стефан.

Вдоль провала прокатился гудок. Оба оглянулись. В двадцати метрах от них, у открытого бокового люка магистратского транспортера, стоял второй офицер и нетерпеливо махал рукой.

— Да иду, Гарлинг! — крикнул офицер, стоявший со Стефаном. — Иду! Да, да, тебе тоже взял!

Ухмыляясь, он повернулся к Стефану. Подбородок у него был испачкан крошками начинки и мазками жира.

— Во народ, а? Никакого терпения.

— Да уж, — поддакнул Стефан.

— Ладно, смотри, чтоб день у тебя был удачным, понял меня?

— Спасибо, офицер.

Тот вытер рот и повернулся. Потом опять глянул на Стефана:

— У тебя точно все в порядке, гражданин? Выглядишь ты малость замученным.

— Все хорошо. Правда.

— Эй, не уходи. Куда-то торопишься? Нужно куда-то?

— Нет.

— Расслабься. Вернусь через минуту. Хочу удостовериться, что у тебя все в порядке. По мне, у тебя не очень-то все в порядке. Боишься чего?

— Нет. Оставьте меня в покое.

— Меня боишься?

Стефан побежал.

— Эй! Биометрику! Покажи мне свою биометрику! Гражданин, это приказ!

Стефан пропустил окрик мимо ушей и продолжал бежать. Он врезался в развозчиков, сбив лоток с выпечкой.

— Стоять! — заорал офицер, рванув следом. — Остановись немедленно, ты! Стоять! Покажи свою биометрику! Дважды повторять не буду!

Стефан Замстак продолжал бежать.

— Повторять не буду! — решительно крикнул офицер. — Остановись сейчас же! Немедленно!

>

<Машина убита! Машина убита! — прокантировал Тарсес. — Перевести целеуказатели!>

<Корректирую курс! — отозвался Кальдер. — «Разбойник», направление триста двадцать семь!>

<Поворот на два румба! — приказал Принцхорн через аугмиттеры, крайне сосредоточенный. —

Приготовить ракеты!>

<Ракеты наведены, мой принцепс,> — прокантировал Тарсес.

«Доминатус Виктрикс» тряхнуло — в щит ударило тяжелое орудие.

<Повреждение щита! — объявил Кальдер. — Теряем целостность на переднем девятом!>

<Поднять темп, модерати! — приказал Принцхорн. Махину снова тряхнуло. Заверещали предупреждающие сигналы. — Выпускай эти чертовы ракеты!>

<Ракеты вышли! Попадание! Попадание! Попадание! Цель повреждена!>

Принцхорн взял на себя управление деструктором и открыл огонь. Скривившись, он издал придушенный кодовый рык.

<Махина убита!> — прокантировал Тарсес.

<«Владыка войны», направление шестьсот семьдесят семь! — взвыл Кальдер. — Приготовиться к удару!>

«Виктрикс» жестоко тряхнуло — щиты приняли на себя полный залп. Тарсес почувствовал, как махина споткнулась.

<Сбой в ходовой!> — прокантировал Анил, сражаясь с управлением.

<Стабилизаторы, рулевой! Немедленно!> — потребовал Тарсес.

<Он снова стреляет! — предупредил Кальдер. — Держитесь! Держитесь!>

Удар был потрясающим. На секунду в кокпите погас свет. Несколько панелей вспомогательных систем взорвались фонтанами искр. Из люка в полу повалил дым. Фейрика активировала противопожарные системы. Тарсес мельком просмотрел сообщения о повреждениях и подключил для компенсации запасной и вспомогательный процессоры. Они только что потеряли орудийного сервитора и получили серьезные повреждения панциря.

<Реактор показывает признаки перебоя с зажиганием!> — прокантировал Тарсес.

<Спускай энергию, если нужно, но держи его стабильным!> — откликнулся Принцхорн. Он стрелял во «Владыку войны». Тарсес чувствовал в предплечьях гаптическое эхо выстрелов главных орудий.

<Разворот на три румба! — потребовал Принцхорн. — Дайте мне нормально выстрелить!>

<Есть, мой принцепс!> — прокантировал рулевой.

<Тарсес?>

<Да, мой принцепс?>

<Ты сможешь удержать этот реактор?>

Тарсес оглянулся на раку. Принцхорн практически свернулся в клубок. Лицо и плечи у него были покрыты психостигматическими ранами.

<Да, мой принцепс, смогу>.

<Благодарю, модерати. Давай посмотрим, сможем ли мы убить этот кусок металлолома>.

>

В глубинах Кузницы Энхорт откинулся от своего стола.

<Махины ушли с Геархартом>, — тихо прокантировал он.

<И что?> — отозвался Толемей.

<Это демонстрация лояльности>.

<В экстремальной ситуации, — прорычал Толемей. — Мы по-прежнему хозяева положения>.

Сидящий на табурете Иган покачал головой, нервно теребя пальцами и дендритами края мантии.

<Ты хочешь что-то прокантировать, Иган?> — спросил Толемей.

<Ничего такого, чего ты уже не знаешь, — ответил тот. — Махины встали на сторону Геархарта. Нам придется уступить>.

Толемей развернулся и уставился на него:

<Мы уже зашли так далеко!>

<Слишком далеко, по-моему>, — прокантировал Иган.

<Когда война махин закончится, мы восстановим свою власть>, — произнес Толемей.

<Я думаю, ты ошибаешься, — раздраженно прокантировал Иган. — Если махины победят, они будут сплочены общей целью. И тогда мы не сможем на них повлиять. Если они проиграют...>

<Все это не будет иметь никакого значения, — закончил Энхорт и поднялся. — Я отменяю положение «один» и даю сигнал лорду-губернатору, что мы сдаемся>.

<Что?> — прокантировал Толемей.

<Ты меня слышал, глава архивов>, — ответил Энхорт.

Толемей рассвирепел.

<Нет!> — прокантировал он.

Энхорт обернулся:

<Нет?>

Толемей двинулся к нему:

<Энхорт, мой дорогой экзекутор, я так упорно работал не для того, чтобы вот так все упустить>.

<Мы ничего не упускаем, — возразил Энхорт. — У Геархарта за спиной махины и поддержка общественности. Простая логика требует, чтобы мы сдались и позволили ему взять ситуацию в свои руки>.

<Это было бы разумно, — прокантировал Иган со своего табурета, — но Толемей не даст этому случиться. Так ведь, Толемей?>

Толемей с Энхортом уставились друг на друга.

<Я упорно трудился долгие годы, чтобы все это устроить, экзекутор, — прошипел Толемей. — Мои усилия нельзя пустить прахом>.

Энхорт помотал головой:

<Все кончено. Точка. Финиш>.

<Годы! — воскликнул Толемей. — Я потратил годы жизни, изменяя данные, подправляя там, приписывая тут, — только чтобы привести нас к этому месту в истории! Я не позволю тебе отказаться от этого шанса!>

Энхорт отпрянул:

<Ты изменил данные в нашу пользу? Сколько?>

Толемей мотнул головой:

<Немного. Совсем чуть-чуть>.

<Сколько ты изменил, Толемей? Эта истина, которую мы отстаиваем, это твое великое откровение — ты подделал его?>

<Нет! Это и есть истина! Чистейшее, исходное слово Омниссии!>

Энхорт глубоко вздохнул, с отвращением глядя на Толемея.

<Ты все испортил, тупой кусок металлолома. Если ты изменил даже крошечный кусочек кода в данных, которые привели нас ко всему этому, то у нас уже нет твердой опоры под ногами. Провались ты со своей истиной! Даже если она подлинная, нас можно подвергнуть сомнению! Что ты изменил, ты, кодовая подтирка? Я бросил вызов Соломану, основываясь на твоих данных! На целостности твоих данных! И ты мне говоришь, что фальсифицировал их?>

<Истина есть истина, неважно, как она преподнесена>, — огрызнулся Толемей.

Энхорт повернулся и скомандовал:

<Сервиторы! Открыть канал связи с лордом Инвикты Геархартом и лордом-губернатором!>

<Нет!> — издал кодовый вопль Толемей. Его механодендриты метнулись вперед и обвилились вокруг шеи Энхорта.

Тот захрипел, заваливаясь назад. Рухнув на пол и извиваясь, он сумел отодрать часть дендритов, но остальные обвилились туже и сжались.

Толемей воздел кверху один из свободных дендритов. Из манипулятора выскочило лезвие. Дендрит метнулся к правому глазу Энхорта.

Брызнула кровь, заляпав стены комнаты:

Толемей рухнул. Задняя часть черепа у него отсутствовала. Энхорт вырвался из извивающихся и подрагивающих дендритов.

Иган опустил болт-пистолет, сел обратно на табурет и положил оружие на колени.

— Он не знал, что у меня есть пистолет, — прошептал Иган плотским голосом. — Знание — сила.

Пошатываясь, покрытый кровью Энхорт подошел к Игану и прокантировал:

<Что мы натворили!..>

Иган пожал плечами и приложил болт-пистолет к виску.

— Мне ясно одно: я натворил слишком много, — ответил он.

И спустил курок.

>

Калли толчком распахнула незапертые двери сарая. Когда она вошла, Голла и Ларс Вульк в страхе отпрянули. Робор, стоявший рядом с повозкой, даже не поднял головы.

Скитарий толкнул Калли, и та упала на колени. С волос ее капала вода.

Скитарий подошел к повозке, осмотрел тело принцепса и выдал что-то кодом.

— Что ты сказал? — запинаясь, спросила Калли.

— Он еще жив, — ответил скитарий. Задрал голову и издал из аугмиттеров длинный и сложный поток кода.

— Просто убей нас, — зло буркнула Голла.

— Убить вас? — переспросил скитарий. — Я только что вызвал спасателей. Вы — Мобилизованная двадцать шестая?

— Д-да, — ответил Ларс Вульк.

— Мы перехватили кодовую передачу одного из вашего отряда. Дженни Вирмак. Мы так поняли, что принцепсу из Темпестуса крайне требуется срочная эвакуация. Мы отреагировали немедленно. Принцепс слишком ценен, чтобы его потерять.

Калли поднялась на ноги.

— Так вы из Темпестуса? — спросила она.

— Конечно, — ответил скитарий, отрываясь от тщательного осмотра принцепса. — А что? Вы приняли нас за врагов?

— Вроде того, — сказала Голла Улдана. И разревелась.

— Кто здесь главный? — спросил огромный скитарий.

Калли устало сотворила знамение Механикус:

— Замстак, Калли, исполняющая обязанности командира, Мобилизованная двадцать шестая. — Потом добавила: — Сэр.

Скитарий хмыкнул:

— Вольно, Замстак. Скорее всего, получишь за это медаль.

>

Если он собрался умереть, то здесь, похоже, было самое подходящее место: объятые всепожирающей яростью войны, кругом махины, их окутывает неистовое пламя, словно те шагают по поверхности солнца.

Но если он и собрался умереть, то смерти не забрать его просто так. Он преисполнится кровавой ярости, давшей ему прозвище, и выпустит ее до последней капли в ненавистного врага.

Его левая рука сразила злобно хрипящего «Владыку войны». Правая — убила завывающего «Разбойника». Ноги крушили бурлящие полчища вражеской пехоты. Он не обращал внимания

на раны и дым, струящийся, словно победные вымпелы, из пробоин на изрытой шрамами металлической коже.

Геархарт сверился с тактическим комплексом. Хоть они и не сломали вражеский строй, но заставили врага отвернуть — отвернуть так, чтобы тот потеснился к северу.

На губах Геархарта заиграла улыбка.

<Когда пожелаешь, Борман>, — передал он.

Первый принцепс прислал подтверждающий сигнал. Перевооружившись и дозаправившись, ударная группа Бормана надвигалась на вражескую линию с юга — сзади.

Улыбка Геархарта стала шире.

Вот теперь будет ярость.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/661210>